

УДК 291.5:371.034(045)

С. А. Плотников

**ЛОССКИЕ, ИЛЬИН И ДРУГИЕ, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ
«ФИЛОСОФСКОГО ПАРОХОДА»**

Цель нашего исследования, говоря в общем плане и перефразируя слова И. Ильина, состоит в том, чтобы проложить, трудясь бок о бок с другими представителями нашего поколения, дорогу к тому историческому времени, в котором восточнославянские народы будут творить христианскую культуру. Ильин предполагал, что после безбожных десятилетий невозможно будет сразу же приступить к созиданию христианской культуры и потребуются некий период для возврата к свободному и более или менее широкому воспроизводству христианской культуры [4]. Говоря конкретнее, наша цель состоит в поиске возможностей для установления компетенции школьной и студенческой молодёжи в области Православия как учения и культурно-исторического движения, находящегося в ценностно-смысловом ядре нашей восточнохристианской, или православной, цивилизации. Пафос и смысл каждой нашей работы можно кратко выразить словами известного киевского православного миссионера протоиерея Андрея Ткачёва: «...наше время есть время самоидентификации и выбора пути» [16], и люди должны понять, что ситуация выбора – выбора духовного, выбора абсолютных ценностей, идеалов, критерия истины – *объективна*.

Возникает потребность установления такой христианской компетентности, которая в идеале помогала бы молодому поколению *сформировать отношение к ценностно-смысловому ядру нашей, а именно восточно христианской, цивилизации*, и отношение позитивное. Теперь, после этого необходимого вступления, перейдём к собственно теме нашей статьи. Дело в том, что в поисках *новой образовательной философии* естественно было многим педагогам самых обычных светских школ, не смотря на сохраняющуюся тогда и во многих случаях до сих пор их антинаучную и античеловеческую секулярность, в 90-ые и 00-ые гг. обратиться к русской религиозной философии (которая, наряду с приведённой в надлежащий порядок прежде изувеченной отечественной историей и другими гуманитарными дисциплинами и создавали базу компетентностного вхождения в культуру родной цивилизации).

Русская религиозная философия будто умышленно возникла «на вырост» нашего народа – на то время, когда он начнёт избавляться от атеистической пропаганды и захочет восстановить полноценную духовную жизнь. *Проблема*, решаемая в данной работе, есть научный вопрос о сути философии педагогики нашего времени и на всё обозримое время существования восточнохристианской цивилизации, сути,

которую, на наш взгляд мы можем найти в трудах русских философов XX века. Будучи ограниченными объёмом статьи мы окинем познающим взглядом современного педагога историю жизни, например, Н. Лосского и его семьи, а также этическое учение Николая Онуфриевича, как и некоторые другие важные для современной педагогики идеи русской религиозной философии. Сразу скажем об общем впечатлении: «философский пароход» вернулся с Лосскими, как и с другими университетскими семьями.

Настоящая работа приурочена к любопытной дате: **90-летию отплытия из России «философского парохода»**. В мае 1922 г. В. Ленин предложил заменить применение смертной казни для активно выступающих против советской власти деятелей высылкой их за границу. «Философский пароход» – собирательное имя для двух рейсов немецких пассажирских судов Oberbürgermeister Naken (29-30 сентября) и Preussen (16-17 ноября), доставивших из Петрограда в Штеттин более 160 человек. Впрочем, высылки осуществлялись также на пароходах из Одессы и Севастополя, и поездами из Москвы в Латвию и Германию. Среди высланных летом – осенью 1922 г. за границу и в отдалённые районы страны наибольшее количество было преподавателей вузов и в целом лиц гуманитарных профессий и членов их семей. Из 225 человек: врачи – 45, профессора, педагоги – 41, экономисты, агрономы, кооператоры – 30, литераторы – 22, юристы – 16, инженеры – 12, политические деятели – 9, религиозные деятели – 2, студенты – 34.

Николай Онуфриевич Лосский (1870 – 1965) – философ, историк философии. Род Лосских вышел из Германии и в течение нескольких веков преодолел культурную дистанцию, разделяющую западное и восточное христианство, сначала ополячившись, а потом и обрусев. Деда его, ещё (или уже) униата в Западной Белоруссии, но симпатизировавшего России (у него и супруга была русской) восставшие поляки в XIX в. прибили к кресту, а потом с живого содрали кожу за эту «симпатию» [7, с. 141].

Отец, Онуфрий Иванович, был обрусевшим поляком, православным. Мать, Аделаида Антоновна, польского происхождения, католичка. Несмотря на преобладание к тому времени польской крови, семья считала себя русской, и воспитание 15 детей было проникнуто русским национальным сознанием. (Заметим это в свете указанного выше о том, что ребёнок формируется как личность только и только в процессе вхождения в культуру той или иной цивилизации.) В 1872 г. отец Лосского, служивший до этого лесничим, получил должность станового пристава, и семья переехала в Дагду. После скоропостижной смерти отца в 1881 г. (год убийства народовольцами Александра II и смерти Ф. Достоевского) Николая отправили на учебу в Витебскую гимназию, где он познакомился с сочинениями так называемых революционных демократов Д. Писарева, Н. Добролюбова, Н. Михайловского. Таким образом, молодой человек вступил на

обычный путь интеллигентной молодёжи того времени, проникнутого духом революционности и ниспровержения «старого режима».

Как сообщал ещё при жизни Лосского в России «Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона» (1890–1907 гг.) будущего философа исключили из шестого класса гимназии «за пропаганду атеизма и социализма», и он отправился без паспорта за границу и поступил вольнослушателем на естественный факультет Бернского университета. Вернувшись затем с величайшими препятствиями и лишениями на родину, поступил в Санкт-Петербурге на бухгалтерские курсы и лишь несколько лет спустя вновь попал в гимназию и получил аттестат зрелости. Окончил курс на физико-математическом и историко-филологическом факультетах в Санкт-Петербургском университете. Первая крупная работа Лосского по философии – его магистерская диссертация: «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма» (1903), переведенная на немецкий язык [10].

Автор «Истории русской философии» известный православный деятель В. Зеньковский (1881 – 1962), священнослужитель, философ, богослов и педагог, между прочим, в молодости под воздействием работ Дмитрия Писарева утратил веру в Бога, но чтение книг Владимира Соловьёва вернуло ему её. В зрелые годы стал учеником философа и богослова Сергия Булгакова, который позже принял священнический сан. Василий Васильевич в правительства гетмана Украины Павла Скоропадского возглавлял министерство исповеданий, а с 1920 г. – эмигрировал за рубеж. Так вот, автор выдающейся «Истории русской философии» о Н. Лосском сообщает, что доктором философии Лосский стал в 1907 г., после чего стал доцентом, а позже экстраординарным профессором Петербургского университета. В 1921 г. был изгнан советскими властями из Петроградского университета уже за религиозное направление своих философских поисков, а в 1922 г. выслан за границу из России на знаменитом «философском пароходе» [3].

По приглашению президента Чехословакии Массарика Лосский и его семья обосновались в Праге. В 1942 г. Н. Лосский был избран профессором Братиславского университета и оставался здесь до конца Второй мировой войны. В 1945 г. переселился во Францию, где уже жил его сын, с 1946 по 1952 гг. жил в США, затем вернулся во Францию. Большинство основных философских трудов Лосского, таким образом, написаны и изданы за рубежом. Сын Николая Онуфриевича Владимир Николаевич Лосский (1903 – 1958) стал одним из крупнейших православных богословов XX в., читал курсы лекций в Сорбонне, Институте св. Дионисия, других учебных заведениях; профессорами Свято-Сергиевского института в Париже являются в настоящее время внук Николая Онуфриевича Николай Владимирович и правнук Андрей Николаевич.

Итак, путь рода Лосских, как нам представляется, отразил черты некоторых существенных тенденций как Европейского Запада, так и Европейского Востока. Прежде всего, на фоне наметившейся в Европе с эпохи Просвещения дехристианизации – интерес к духовным традициям и практикам Востока: от индуизма до восточного христианства. Вначале немцы, затем поляки, наконец, русские – таков путь рода Лосских, причём речь не только и не столько о речевых и культурно-бытовых предпочтениях (в этом смысле Лосские, скорее, остались «западниками»), сколько о мировоззренческих предпочтениях, духовно-нравственной системе высших ценностей, освоенной родом. Не случайно важнейшим трудом Лосского-старшего является книга «Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей», первое издание в 1931 г., а важнейшей книгой Лосского-младшего – «Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие», изданный впервые в 1944 г., причём автор в тот момент являлся участником французского сопротивления против германской оккупации.

Сама духовно-творческая биография Николая Онуфриевича отразила сходство с такими выдающимися деятелями русской культуры, как Фёдор Михайлович Достоевский (в XIX в.), который, будучи увлечённым в кружке М. Петрашевского утопическими социалистическими идеями построения «рая на земле», переосмыслил многое за годы ссылки и в последующие годы, став автором идеи «почвенничества», то есть возврата к ценностям Православия, которые ещё сохранялись в русской «почве»-народе, или как Лев Александрович Тихомиров (рубеж XIX-XX вв.), русский общественный деятель, в молодости – народоволец, который, будучи в эмиграции, издавал вместе с П. Лавровым «Вестник Народной воли», но в 1888 г. отрёкся от революционных убеждений и, вернувшись в Россию после помилования, стал монархистом. Собственно, с точки зрения ортодоксального христианства коммунизм есть форма политизированной ереси, известной в религиозной истории под названием *хилиазм*. В наши дни Патриарх Кирилл однажды сказал: «Рая на земле построить невозможно». Он пояснил свою мысль так: «Все материальные блага являются средством, а не целью. Если единственной целью является построить красивый дом, это ложная цель. Красивый дом нужно для чего-то построить – чтобы в нём жила дружная и красивая семья, чтобы в этом доме было много детей, а если уж Бог не дал детей – чтобы в этом доме совершались добрые дела для других» [14].

Без сомнения, этот непростой путь Лосского и других деятелей православной культуры, как мы думаем, есть общий путь ошибок и исправления их Россией в *фазу надлома*, по терминологии Л. Гумилёва (1912 – 1992), в которую русский народ отклоняется от своих христианских ценностей и ищет «иногo» смысла жизни, однако, получив опыт этого «иногo», пытается вернуться в конце XX – начале XXI в. на праведный путь. (Лев Николаевич Гумилёв не эмигрировал, но имел все

основания погибнуть в ГУЛАГе, будучи трижды арестовываемым. Его научное творчество пришло к нам тоже в 90-ые и 00-ые гг.) Как говорил другой пассажир «философского парохода» Иван Александрович Ильин (1883 – 1954), *«Всё, чем живут или не живут люди, – или уводит их от Царства Божия, или ведёт их к нему»* [4, с. 51].

Где, когда и как были уведены православные по крещению люди с христианского пути? Влияние дехристианизирующего Просвещения западной цивилизации, так что возникает так называемое Русское Просвещение в XVIII в.? Увлечение немецкой философией, в которой нарождающаяся русская интеллигенция нашла то, чего в ней, может, и не было (Виссарион Белинский считал себя чуть ли ни гегельянцем, хотя не знал немецкого языка и ни одной строки из Гегеля не прочитал)? Вера в позитивизм и прогрессизм, в особенности в беременные скорыми социально-экономическими переменами 40-50-ые гг. XIX в., которые «сменили» для элиты общества веру в Бога? Однако убогость этих новых верований к концу XIX – началу XX в. для людей искренне и глубоко ищущих истину стала очевидна.

«Богословие мирян», как в полушутку и в полувсерьез именуют иногда возникшее религиозно-философское явление в России, выплеснувшееся вместе с эмигрантами потом и в западный мир, имеет в своей основе необычайно интересное противоречие, которое тонко заметил протоиерей Александр Мень (1935 – 1990): «Главным наследием, невольно воспринятым интеллигенцией (конца XIX – начала XX века. – С.П.) от христианства, была преданность высоким нравственным идеалам. Преданность, готовая идти на самые тяжкие жертвы и героизм. При этом у тех, кто был поглощён мыслью о «благе народном», сама русская Церковь как институт, подчинённый государству, вызывала протест и недоверие. Позитивизм, упование на прогресс, народничество стали символами веры интеллигенции в целом. В свою очередь духовенство, богословы не могли найти с ней общий язык, не без основания видя в интеллигентах вольнодумцев и крамольников. Словом, конфронтация была обоюдной. Показательно, что когда в XIX в. архимандрит Феодор Бухарев попытался перебросить мост между церковностью и культурой, это встретило отпор в самой же церковной среде. А светские писатели, выступавшие в защиту религии, оказывались среди «своих» в одиночестве...». И всё-таки эти одиночки, вроде Ф. Достоевского или В. Соловьёва, «посвятившие себя раскрытию христианского идеала», «подготовили почву для того диалога, который стал возможен на Петербургских Собраниях» [11, с. 147 – 148, 149]. (Речь о Петербургских Религиозно-философских собраниях, начавшихся в ноябре 1901 г., на которых председательствовал будущий Патриарх Московский и всея Руси тогда епископ Сергей Страгородский. Из этих собраний и вышла практически вся русская религиозная философия XX в. Характерно название, которое дал рассказу об этих Собраниях протоиерей Александр Мень – «Встреча», – имея в виду встречу

священнослужителей и интеллигенции, среди которой тогда ещё далеко не все были мирянами.

Собственно в начале XX века и во весь этот трагический век, да и до настоящего времени и ещё сколько-то, как минимум, десятилетий вперёд в XXI веке, речь шла и будет идти о личном и общественном преодолении раскола Церкви и культуры, о чём так ярко написал в своей записке Василий Васильевич Розанов (1856 – 1919): «Вся Европа оплакивает разъединение «культурных классов» с Церковью. Но и сами эти «культурные классы» выросли, пожалуй, в своих антипатичных и легкомысленных чертах, потому что выросли улично и театрально, а выросли они так потому, что были отторгнуты от Церкви» [цит. по: 11, с. 161 – 162]. (Вот уж кого точно выслали бы на «философском пароходе», доживи он до 1922 г.) Этот раскол вызывал глубокие чувства сопереживания и гениальные научные догадки у деятелей возникающего русского религиозно-философского ренессанса, который, на наш взгляд, неверно ограничивать XX веком, а следует, понимая этапность и преемственность столь сложного явления, продлить и в век XXI.

Уже на втором заседании был зачитан доклад Дмитрия Владимировича Философова (1872 – 1940). (Философов эмигрировал в декабре 1919 г., перейдя польско-большевистский фронт вместе с Мережковским, Гиппиус и Злобиным.) Прежде всего Философов справедливо указал, что основой Церкви являются две главные заповеди, указанные Иисусом Христом: заповедь о любви к Богу и ближнему. По словам Философова, интеллигенция восприняла лишь вторую заповедь: «В наших врачах, курсистках, студентах, шедших в голодный год на служение ближнему, была бессознательная «религиозность», поскольку верны они были истинной любви к «земле». Но «религиозность» – не религия. Вера в Бога была у них подменена верой в прогресс, цивилизацию, в категорический императив. И вот на наших глазах сознание общества выросло, и старые идеалы перестали его удовлетворять... Во имя любви к ближнему без любви к Богу не может быть истинного делания на земле. Без Бога не может быть настоящей культуры, охватывающей всю полноту бытия человечества... Церковь, в противоположность интеллигентному обществу, поняла и приняла сознательно лишь первую половину заповеди: «Возлюби Господа Бога своего всем сердцем твоим, всею душою твоею». И, не вместив второй, она стала отрицать её, довела свою любовь к Богу, своё служение Ему – до ненависти к миру, до презрения к культуре. Историческое христианство вплоть до XX века сосредоточивало всё своё внимание лишь на аскетической стороне учения Христова, на служении Богу, пренебрегши в своей односторонности тем Божиим миром, часть которого – работающие в поте лица ближние» [цит. по: 11, с. 160 – 161]. Так определялась болезнь, чтобы начать её преодоление в целебном врачестве XX в. и новых лекарствах и врачебных действиях, возникших на рубеже XX – XXI вв., когда обнаружилось с небывалой до сих пор

очевидностью по-настоящему сущностное свойство Церкви творчески-духовного воздействия на мир – не приспособление к суетным веяниям века, а открытая реализация Церковью её неизмеримо высокой объективной Божественной универсально-культурной природы.

...Николай Онуфриевич Лосский и названные деятели христианской культуры в отличие от многих и многих других людей исправили свой путь и путь своего рода, вернувшись к полноте абсолютных ценностей христианства которыми, как об этом пишет Лосский в своей работе «Ценность и бытие», является Бог и Его Царство, и вернувшись в Церковь, вне которой нет спасения. В этой работе, как и в книге «Условия абсолютного добра», Н. Лосский становится на христианские позиции, а суть его этического учения хорошо выражается словами апостола Иоанна в его послании: «Всякий, пребывающий в Нем (то есть в Иисусе Христе. – С.П.), не согрешает; всякий согрешающий не видел Его и не познал Его» (1 Ин. 3:6). Идея в том, что нужно глубочайшее основание, то есть доверие Богу, чтобы происходило, как называл это Лосский, *нормальное эволюционирование* – по православной терминологии, *преображение* – личности христианина.

Н. Лосский писал: «Высшее достоинство мира, ради которого только и стоит существовать миру, именно способность творить Царство Божие...» Этическая система Лосского – это система, которая настаивает на соответствующих вышеприведённому принципу отношениях, устанавливаемых человеком к себе, к другим людям и в целом к миру. Вся выше приведенная фраза из книги Н. Лосского имеет следующий вид: «Высшее достоинство мира, ради которого только и стоит существовать миру, именно способность творить Царство Божие, возможно не иначе как при условии свободы деятелей» [8, с. 82].

К сожалению, людям, воспитанным в атеистической образовательной системе в страхе к религии до сих пор представляются «мракобесными» убеждения, подобные приведённому, но в наши дни, например харьковские ученые в «Морфологии культуры: тезаурус» пишут: «Религия как феномен духовной жизни человека осмысливает способ её существования, обеспечивает познание целей, цели человеческой деятельности или жизнедеятельности человеческих сообществ. Культурологическое значение религии состоит в определении смысложизненных ориентаций человека, следовательно, религия выполняет культуротворящую роль, обуславливая характер культуры... Религия, в широком значении слова (то есть как отношение к абсолютному благу и личностному началу Вселенной), влияет на все сферы жизнедеятельности общества и в значительной степени определяет характер в первую очередь духовной культуры» [12, с. 250].

Вернёмся к этическому учению Лосского и для краткости воспользуемся анализом, выполненным упоминавшимся выше священником В. Зеньковским: «Вопросы этики рассматриваются Лосским в его работах: «О свободе воли», «Ценность и бытие», «Бог и

мировое зло» и «Условия абсолютного добра. Основы этики». Иерархический персонализм, развитый Лосским в его метафизике, здесь обращается принципиальным признанием нераздельности бытия и ценности. Их нераздельность дана в Боге, как живой реальности, а в человеке (т. е. всякой личности, всяком субстанциальном деятеле) эта нераздельность выражена в форме идеала, который бессознательно хранится в глубине каждого индивидуума». Эта «подсознательная связь каждого существа с идеалом его личности» создает как бы некое метафизическое основание для того первичного выбора, который, согласно метафизике Лосского, имеет место при самом творении субстанциального деятеля (выбор – быть с Богом или с «землей»)… Возможность «первичного выбора» создаёт возможность и «предпочтения себя другим личностям», – что и является «основным нравственным злом – грехопадением тварного существа». Зло вообще есть «вторичная надстройка над добром» – «всё же первоизданное есть добро». Поскольку эволюция субстанциальных деятелей свободна – они могут идти и к Богу и против Бога; в последнем случае происходит «накопление сил и способностей для возрастания во зле – это уже является сатанинской эволюцией».

Свобода, согласно учению Лосского, есть основное свойство всякого субстанциального деятеля; его «я», как высшая сила в нём, может быть свободно от своего тела, от своего характера. «Идея индивидуума, – пишет Лосский, – есть индивидуальное «я» не в том виде, как оно реально осуществит свою деятельность, а в том виде, который представляет идеальное назначение его… Но идеальное совершенное «я», то есть образ Божий в человеке, не составляет природную основу человека – образ Божий есть не природная, а нормативная сущность его». Это есть «металогическая творческая сила воли», живущая в человеке» [3].

Как следует из исследования Н. Лосского, целью человека, осознаваемой или не осознаваемой, является абсолютная полнота бытия, то есть обожение, осуществление которого возможно только на пути всё преодолевающей любви к Богу как изначальному Абсолютному Благу и любовь ко всем тварным созданиям как потенциально всеобъемлющему добру. Такая любовь приводит к свободному подчинению Богу и свободному единодушию соборной деятельности всех существ в Царстве Божиим, которые следуют Богу, в чём и состоит христианский идеал [8, с. 72 – 73].

Однако, для человека стремление к абсолютной полноте бытия чаще всего связывается с любовью к себе большею, чем к Богу и другим людям. Поэтому для преодоления эгоизма человек вступает на путь эволюции, сущность которой в постепенном научении и воспитании хотя бы отчасти святости и приобщению к Царству Божию, через свободный выбор и свободные же творческие акты. Это есть *нормальная эволюция*, нормальная в том смысле, что она придерживается *норм*, вытекающих из

задач возрастания в относительном добре вплоть до осознания абсолютных ценностей, которые должны быть определены как цель поведения, и вплоть до удаивания обожения и вступления в Царство Бога [8, с. 75].

Проникновение абсолютных ценностей в нашу сознательную деятельность (признания на словах и на деле, что «в действительности есть Бог и Царство Бога как абсолютно достойное и оправданное бытие» [8, с. 67]), осуществление высшего идеала (свободного подчинения в любви Богу и свободной и в любви же единому соборной деятельности всех, следующих Богу [8, с. 72]) происходит в следовании нормам, «определяющим поведение, ведущее к этому Царству» [8, с. 67], к земной судьбе, в которой «каждый шаг нормальной эволюции есть освобождение от какой-либо стороны эгоистической замкнутости в себе, расширение жизни деятеля путём усвоения какой-либо группы чужих личных или вообще сверхличных интересов в свою жизнь так, как если бы они были его собственные интересы..., выработка способностей, необходимых для восхождения к всеобъемлющей жизни...» [8, с. 75], что и происходит в Церкви Христовой, которую не одолеют, по словам её Основателя, врата ада до скончания века (Мф. 16:18).

Очевидно, что Н. Лосский не употребляет слово *нормативная* (эволюция), чтобы видны были два смысла: и смысл *нормативности*, то есть существования законов (осознанных закономерностей), алгоритма, принципов, норм, правил, и смысл *нормальности*, то есть правильности, правдивости, не уклонения в неправду, а прямое следование ей как идеалу и возможность действительного достижения цели обожения. Вспомним одну из основных, если не основную, заповедь Христа: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его» (Мф. 6:33).

Тот, кто признаёт абсолютные ценности, признает и цель Бога, Который, будучи Духом, всем строем мира и всяким событием в нём побуждает нас к развитию духовности, воспитывая нас для воссоединения с Царством Божиим. Собственно, исходя из этого признания и свободно принимая цель Бога и свободно же Ему подчиняясь, мы вступаем на путь нормальной эволюции, подлинной культуры, в том числе и прежде всего на путь воспитания себя самих и помощи в воспитании другим как чадам Божиим. Как писал Б. Вышеславцев (1877 – 1954), ещё один эмигрант 1922 г., в «Этике преображенного эроса» (Париж, 1931; М., 1994), «мне очевидна моя недостаточность, моя зависимость... Но недостаточному противостоит полнота, конечному противостоит бесконечное, несовершенному – совершенное... Я находит себя в противопоставлении Абсолютному, лишь в Нём мы “движемся и есмь”» [2, с. 116]...

«Искусство жизни состоит в таком усложнении интересов и в таком углублении органичности её, что средства перестают быть только средствами и хоть какой-нибудь стороною своею содержат в себе также самоцели или, по крайней мере, насквозь пронизаны и заманчиво

освещены тою самоцелью, ради которой они осуществляются» – искусство святости как средство, святость как средство для обретения абсолютной полноты бытия, обожение – и самоцель святость. Так происходит *нормальная эволюция*, или, и это слово вслед за Церковью, употребительно в текстах Лосского, *преображение* [8, с. 85]. Таким образом, если говорить о педагогической составляющей нормальной эволюции, мы будем иметь в движении к Богу и Божьему Царству процесс *преображения* человека, противостоящий процессу *антипреображения*, который, принимая массовый характер, ведет к самоуничтожению культуры и всей цивилизации.

Выделяя важнейшее в этическом учении Н. Лосского, следует заметить, что с определённого момента, вероятно, после пережитых катаклизмов в России, а затем и в военной Европе, главную задачу философ стал видеть в переходе от теоретической философии к практической. Сочинения Лосского этого времени глубоко религиозны, направлены на поиск идеала абсолютного добра и красоты. В понимании Лосского, «субстанциональные деятели», то есть попросту говоря личности, наделённые качеством субъектности, абсолютно свободны и тем самым абсолютно ответственны за свои поступки. В природе и обществе одновременно действуют прогресс и регресс, в зависимости от свободного выбора «субстанциональных деятелей». Вследствие своего эгоизма многие «субстанциональные деятели» вступают в противоборство друг с другом и образуют наш грешный мир, или царство вражды. Те же, кто вступают друг с другом в отношения любви и гармонии, вступают на путь эволюции от всецелой любви к самим себе к любви к Богу и ближним и достигают «конкретного единосущия» и образуют Царство Божие, в котором нет разобщенности и материальности. Царство Божие и пути его достижения – важнейшая тема книг философа.

Лосский выделяет в качестве определяющих такие черты русского характера как *повышенная религиозность и постоянное искание идеала абсолютного добра* [15, с. 371 – 373]). И книгу «Условия абсолютного добра: Основы этики» Н. Лосский завершает словами о русском народе: «Отрицательные свойства русского народа – экстремизм, максимализм, требование всего или ничего, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, дерзкое испытание ценностей, анархизм, чрезмерность критики – могут вести к изумительным, а иногда и опасным расстройством частной и общественной жизни, к преступлениям, бунтам, к нигилизму, к терроризму...

Надо, однако, принять во внимание, что отрицательные свойства русского народа представляют собою не первичную, основную природу его: они возникают как обратная сторона положительных качеств или даже как извращение их. В действительности извращения, конечно, проявляются реже, чем основные нормальные свойства характера. К тому же русские люди, заметив какой-либо свой недостаток и осудив его,

начинают энергично бороться с ним и благодаря силе своей воли успешно преодолевают его. Поэтому можно надеяться, что русский народ после преодоления безбожной и бесчеловечной коммунистической власти, сохранив свою религиозность, будет, с Божьей помощью, в высшей степени полезным сотрудником в семье народов на пути к осуществлению максимального добра, достижимого в земной жизни» [9].

На наш взгляд жизнь и философское творчество Николая Онуфриевича Лосского пронизано оптимизмом, верой в будущие перемены в истории русского народа, основанные на возрождение тех духовных ценностей, о которых неустанно говорил выдающийся учёный. Думается, педагоги могут «зарядиться» многими конструктивными положениями этического учения Н. Лосского, опытно проживая их, потому что в этом учении действительно построены философские мосты к воспитанию моральной культуры. И совершенно, на наш же взгляд, не справедливо несколько пренебрежительное отношение к философским трудам Лосского-старшего на фоне богословских трудов его сына. Разумеется, Владимир Николаевич Лосский (1903 – 1958), как в то же время и там же, в эмиграции, протоиерей Георгий Флоровский (1893 – 1979), «разорвал с русской религиозно-философской традицией, заявив о независимости православного богословия от философских спекуляций и начав возвращение к мышлению восточных Отцов Церкви» [18, с. 7]. Но зададимся простым вопросом: состоялось бы это возвращение «сынов» «к истоку патристической мысли», если бы их «отцы» не совершили подвиг переосмысления ценностного отношения к жизни и на основе этого переосмысления – практическое изменение жизни своей и связанных с ними близких людей, вернувшись в лоно Церкви? Вряд ли.

Мы думаем также, что есть некоторое сходство положений между тем поколением религиозных философов, которые выросли в России вслед за Владимиром Соловьёвым как его ученики и одновременно научные противники, и нашим поколением, которое на рубеже XX – XXI вв. также пытается овладеть новым мировоззрением, вылезая из старой кожи «научного коммунизма». Впрочем, можно увидеть и сходство в более обширном контексте, если вспомнить, например, язычников-философов II века, об одном из которых – святом мученике Иустине Философе – архимандрит Киприан Керн писал в частности так: «“Философом” назвал его Тертуллиан, и это сохранилось за ним не только потому, что по своему образованию он – философ, но и потому, что он один из первых, кто положил начало христианской философии... Креститься в христианской семье, т.е. исполнить традиционно-бытовое требование семьи, рода и всей культуры – заслуги нет. Это принятие христианства не выстрадано и не продумано. Но принять крещение после долгих сомнений и борьбы, без всякого принуждения и часто не только без видимой выгоды, но и с опасностью для своего положения в обществе, а может быть и для жизни, но принять его по свободному и продуманному убеждению, – это, бесспорно, великая заслуга христиан из

язычников или иудеев в то время. В Иустине Философе Церковь имеет яркий тип христианского мудреца законченной формации для своей эпохи. За ним история знает ряд других славных имен: Афинагора, св. Феофила Антиохийского, Климента Александрийского и мн. др.» [6]. И кстати будет заметить об авторе «Патрологии», что он, архимандрит Киприан Керн (1899 – 1960), тоже из тех, кто эмигрировал из России – в двадцать один год, будучи бывшим воином Добровольческой армии...

Что в этих христианских философах века мученика Иустина или века новомучеников и исповедников российских? В них жажда истины, в них духовные пробы и опыт, в них честность и искренность, в них приход к Христу, а приход к Христу есть опыт на всякое время и для всякого человека, сколько бы ни длилась человеческой истории. Архимандрит Киприан писал о святом Иустине и других христианских философах: «...обратившись к христианству, он не переставал быть философом, носить философскую мантию и чтить философию. Несмотря на постигшее его разочарование в философских школах, он не отказался от своей любви к самой философии. Он являет в этом отношении отрадный пример сочетания верности Христу и Евангелию с уважением к человеческому знанию и мудрости. «Поистине святы те, кто устремил свой взор на философию». Самое слово философия вошло в христианский обиход. И если под этим словом позднейшие христианские писатели понимали некую высшую философию, некое совершенное любомудрие, вполне осуществляемое только в совершенной христианской добродетели, все же это любомудрие не может быть в их глазах отождествляемо с отрицанием просвещения, с отказом от Богом же данного разума, с принципиальной гносимахией» [6].

Вспоминая пассажиров «философского парохода», многих бы хотелось назвать, и вообще говоря, отдавая им дань благодарности, и в связи с поисками современной отечественной педагогикой своей верной в духовном отношении философии. Назовём ещё хотя бы Е. Трубецкого (1863 – 1920) и сошлёмся как на пример важный для педагогики на одну из работ философа XX в. Евгений Николаевич был одним из учеников-противников Владимира Соловьёва. Трубецкой писал, что «абсолютное может относиться к своему другому или внутренне, органически проникая другое как содержание его бытия, наполняя его собою. Это отношение Абсолютного к его другому, которое на религиозном языке называется благодатным. Или же Абсолютное относится к другому не внутренним, так сказать, внешним образом, не как содержание, а как закон бытия. Вопрос о благодатном отношении к его другому есть вместе с тем и вопрос о религиозном отношении к Абсолютному... Наоборот, вопрос о подзаконном отношении другого к Абсолютному имеет уже для гносеологии рационального познания первостепенное значение» [17, с. 34].

В этой мысли, как нам представляется, содержится основание для *методологического подхода* в просветительской деятельности

православного педагога: христианская культура, являясь в лице того или иного субъекта педагогической деятельности (учителя, воспитателя) посредником между, как говорит Е. Трубецкой, Абсолютом и Его другим, открывает теми или иными способами и в той или иной степени Абсолют (или, лучше сказать, Сам Абсолют открывается через некоего посредника, как свет через окно или дверь), и таким образом, христианская культура стремится ввести человека в свою культуру, то есть, по сути, ввести человека из «просто» подзаконного состояния в благодатное (то есть такое, которое возможно только в по-настоящему гуманной и гуманистической, но ни в коем случае не манипуляционной педагогике при передачи культуры новому поколению). Но поскольку у ещё одного субъекта педагогической деятельности (ученика) имеется или не имеется своё религиозное отношение к Абсолюту, которое, разумеется, в ходе указанной деятельности и помимо неё может претерпевать изменения, Абсолют относится по-разному – два вышеуказанных варианта – к этому последнему субъекту, однако же, в любом случае любя, а потому не лишая его свободы. Верующий человек понимает (учится этому постоянно), чего хочет Творец, – назначение человека в том, чтобы *добровольно* участвовать в созидающей мироздание синергийной по отношению к нему деятельности Бога. И педагог должен быть на страже этой свободы, которая может и должна приводить его воспитанников к благу, а не ко злу, со смирением лишь заботясь о чистоте, целостности и благодатности своих ума и сердца, как окна или двери для его учеников и детей Божиих, и о доброй и грамотной помощи этим последним в их складывающемся отношении к Абсолюту. (Христос называет Себя дверью, которой приходят к Богу – ср.: Ин. 10:9; 14:6, – и христианский просветитель следует в этом абсолютном опыте за своим Учителем.) Это творчески воздвигаемое отношение есть отношение человека как сына Божия, но не по рождению (Иисус Христос), а по благодати (собственно – обожение).

Евгений Николаевич Трубецкой, умерший на пороге эмиграции – в белогвардейском Новороссийске от тифа, – тоже пережил в юности духовный кризис, из которого быстро вышел, став одним из выдающихся русских философов и общественных деятелей, противопоставших «зверю», который, как предсказывал Трубецкой в 1907 г., «превратит Россию в ад». Век XX – во истину *век-волкодав* (О. Мандельштам), кинувшийся на плечи русской культуре. Такой вот социально-политический модернизм в облике коммунизма и фашизма...

Освоить педагогике, теоретической и тем более практической, богословие гораздо сложнее, чем религиозную философию. Дело, впрочем, не столько в сложности, сколько в потребности, а именно в потребности педагогического моста к православной аскетике и мистике. Явно, что не об этом идёт ныне речь. Хотя, с другой стороны, наверняка есть в мире силы, которые и не хотят, чтобы мы к этому пришли. И всё-таки, думается, наступит время более активного, чем даже ныне,

освоения православного богословия, например, отца Сергия Булгакова или В. Лосского. Закончить же наше напоминание о уплывшем и вернувшемся «философском пароходе» хотелось бы ссылкой на такие идеи И. Ильина в работе «Религиозный смысл философии» (Париж, 1925), которые показывают правильное отношение не только к философско-религиозным исследованиям, но и к смежным с ними психолого-педагогическим исследованиям в области преподавания духовно-нравственных дисциплин в средней и высшей школах.

Поскольку речь идёт о полагании предмета исследования в его духовном смысле, постольку непременно исследователь (и педагог духовно-нравственных дисциплин) должен «самостоятельным напряжением воли, внимания, воображения, чувства, памяти и мысли вызвать в себе реальное переживание того предмета, который он хочет исследовать» (и преподавать другим); «он должен предоставить силы своей души для того, чтобы в них осуществилась, стало непосредственно и подлинно наличным то содержание, которое подлежит изучению» (тобой, педагогом-исследователем, а затем и твоим учеником). «Познавательный предмет должен как бы завладеть тканью души и состояться в ней; содержание его должно выступить как бы объективным узором на ткани отдавшейся ему души» [5, с. 16].

Что дальше? «Создав в себе душевным напряжением подлинное переживание своего предмета, философ (как и преподаватель, например, христианской этики или православной культуры в школе. – С.П.) приступает к одинокому напряжённому внутреннему вглядыванию в сущность внутренне данного содержания. Понятно, что это внутреннее вглядывание тоже требует участия всех сил души, напряжения её сознательных способностей и её бессознательных сил. Здесь осуществляется своеобразное удивление, интуитивное вхождение духа в исследуемое содержание; то, что опыт принял, включил в свой жизненный состав, то, что осуществилось в его недрах, – является теперь предметом систематического интуитивного восприятия» [5, с. 16 – 17]. Вы скажете, что это ведь всё так субъективно! В том-то и дело, что, по словам Ивана Александровича, «воспринимающее внимание сосредоточивается не на субъективном переживании, не на состоянии или настроении испытавшей души, но на сущности испытанного предмета; эта духовная сущность самого предмета и есть то искомое, философски познаваемое, радующее и любимое обстояние, к которому стремится познающий разум философа» [5, с. 17] и преподавателя духовно-нравственных дисциплин или – шире – христианского учителя-просветителя.

Итак, Ильин указал нам первые две, как он их называет, стадии познания духовного предмета: *испытывание* его и *вглядывание* в него, конечно же, имеет «теоретической совестью определяемый необходимый уровень», и, если он достигнут, то «наступает третья стадия: *аналитическое описание и разумно-логическое раскрытие* испытанного и

усмотренного содержания». Александр Ильич далее говорит о необходимости проверки выполненной работы, и, если душа создаёт в себе «твёрдую и обоснованную уверенность в отсутствии субъективистских искажений», «она имеет право приступить к разумному раскрытию того, что она испытала и увидела» [5, с. 17]. В другом месте философ говорит даже о необходимости «научно-художественной реставрации» очагов духовного опыта всех тех христианских деятелей, которые смогли осуществить в своей жизни идеальный духовный опыт: не только философы, но и великие художники, герои, святые, пророки [5, с. 80].

Словом, чтобы нам верно познавать духовные предметы и в той или иной форме, например, урока христианской этики, описать и раскрыть их сущность должно жить так, чтобы этот предмет становился собственным жизненным содержанием учителя. Учитель-христианин живёт тем, что познаёт и преподаёт, для чего, как говорит Ильин, его личная жизнь должна стать жизнью предмета в нём [5, с. 46]. В нашем случае жизнь учителя протекает пред лицом Божиим и при желанном для учителя, просимом им, опытно стяжаемом участии божественных сил, живущих в нём. Это – призвание учителя духовно-нравственных дисциплин, и, если его так не понимать и не принимать то, стоит ли преподавать то, что должно утверждать ценности, через которые, вновь-таки по слову Ильина, «жизнь человеческая получает свой смысл и своё значение» [5, с. 47]?

В качестве **вывода** напомним мысль одного из выдающихся русских религиозных философов священника Павла Флоренского (1882 – 1937). (Особой тройкой НКВД Ленинградской области приговорённый к высшей мере наказания и расстрелян, а похоронен в общей могиле убитых НКВД под Ленинградом.) На первых страницах важнейшей своей работы «Столп и утверждение истины» (1918 г.) вынужден был говорить о том *вкусе православном*, который «чувствуется, но... не подлежит арифметическому учёту» [цит. по: 1, с.426] Напоминая и разъясняя это утверждение отца Павла, Сергей Сергеевич Аверинцев пишет, что «настоящая тема русских православных философов и представителей так называемого богословия мирян в XIX и XX веках – не столько вероучительные тезисы, сколько «дух» православия» [1, с. 427].

Это крайне важное наблюдение, и оно объясняет, что явилось сутью обращения русских интеллектуалов рубежа XIX – XX вв., как, впрочем, и рубежа XX – XXI вв., прежде разочаровавшихся в тех или иных идолах, обещавших человечеству «земной рай», к Православию и обретению в нём не только веры в Бога, но и в человека, как способного к обожению. Заметим, что это произошло в «минуты роковые» как русского, так и всеевропейского мира, но, противостоя «року», русские религиозные философы создали жизнеутверждающую по духу

философию. И их «философский пароход», возвращающийся в нашу культуру, наполнен в трюмах мыслями, утвержденными в Вечной Пасхе.

Список использованной литературы

- 1. Аверинцев С.** Византийский культурный тип и православная духовность: некоторые наблюдения» / Сергей Аверинцев. Поэтика ранневизантийской литературы. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 426 – 444. **2. Вышеславцев Б. П.** Этика преображенного Эроса / Б. П. Вышеславцев. – М. : Республика, 1994. – 367 с. **3. Зеньковский В. В.** История русской философии [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.runivers.ru/philosophy/lib/authors/author64148/> **4. Ильин И.** Основы христианской культуры / И. Ильин. Основы христианской культуры. О сопротивлении злу силой. – М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2007. – С. 5 – 63. **5. Ильин И. А.** Религиозный смысл философии: Три речи: 1914 – 1923 / И. А. Ильин. Религиозный смысл философии. – М. : АСТ: АСТ Москва, 2006. – С.5-82. **6. Керн** Киприан, архимандрит. Патрология [Электронный ресурс] / Архимандрит Киприан Керн. – Режим доступа : <http://krotov.info/history/01/kern/109.html> **7. Лосский Н. О.** Воспоминания: Жизнь и философский путь / Н. О. Лосский // Вопросы философии. – 1991. – № 10. – С. 139 – 192. **8. Лосский Н.** Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей. / Н. Лосский. Ценность и бытие. – М. : АСТ; Харьков : Фолио, 2000. – С. 5 – 102. **9. Лосский Н.** Условия абсолютного добра: Основы этики. / Н. Лосский // Ценность и бытие. – М. : АСТ; Харьков : Фолио, 2000. – С. 215 – 504. **10. Лосский** Николай Онуфриевич [Электронный ресурс] / Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – Режим доступа : <http://www.runivers.ru/philosophy/lib/authors/author64148/> **11. Мень** Александр, протоиерей. Встреча // Протоиерей Александр Мень. Русская религиозная философия: Лекции. – М. : Издательский дом «Жизнь с Богом», 2008. – С. 142 – 180. **12. Морфологія** культури: тезаурус / За ред. проф. В. О. Лозового. – Х. : Право, 2007. – 384 с. **13. Навчальна** програма для загальноосвітніх шкіл “Основи християнської етики”: (1 – 11 класи): Рекомендовано Міністерством освіти і науки України. – К. : Київський університет імені Бориса Грінченка, 1910. – 107 с. **14. Патриарх** Кирилл: «Рая на земле построить невозможно»: Предстоятель Русской Церкви посетил Якутскую и Ленскую епархию [Электронный ресурс] / Режим доступа : http://ruskline.ru/news_rl/2010/9/24/patriarh_kirill_raya_na_zemle_postroit_nevo_zmozhno/ **15. Русское** зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь / Общ. ред. В. В. Шелохаева. – М. : Российская политическая энциклопедия, 1997. – 748 с. **16. Ткачѳв А.,** прот. Своѳе и чужое [Электронный ресурс] / Протоиерей Андрей Ткачѳв. – Режим доступа : <http://www.pravmir.ru/svoe-i-chuzhoe/> **17. Трубецкой** Е. Метафизические предположения познания: Опыт преодоления Канта и кантианства / Е. Трубецкой. – М. : Тип. «Русская

печатня», 1917. – 337 с. **18. Филоненко А. С.** Предисловие // В. Н. Лосский. Боговидение. – М.: АСТ, 2006. – С. 5 – 8.

Плотников С. А. Лосський, Ільїн та інші, або Повернення „філософського пароплава”

Написання і вихід даної статті приурочені до 90-річного ювілею відомої висилки осінню 1922 р. з Радянської Росії до Західної Європи «філософського пароплава» з видатними діячами російської науки і мистецтва. Тепер же, по думці автора, «філософський пароплав» повернувся у вітчизняну культуру, несучи в своїх трюмах безліч конструктивних ідей, у тому числі в області педагогічної науки.

Ключові слова: російська релігійна філософія; «філософський пароплав»; Н. О. Лосський; І. А. Ільїн; абсолютна повнота буття; нормальна еволюція, або перетворення; обоження; предмет як життєвий зміст вчителя.

Плотников С. А. Лосские, Ильин и другие, или Возвращение «философского парохода»

Написание и выход данной статьи приурочены к 90-летнему юбилею известной высылки осенью 1922 г. из Советской России в Западную Европу «философского парохода» с выдающимися деятелями русской науки и искусства. Теперь же, по мысли автора, «философский пароход» вернулся в отечественную культуру, неся в своих трюмах множество конструктивных идей, в том числе в области педагогической науки.

Ключевые слова: русская религиозная философия; «философский пароход»; Н. О. Лосский; И. А. Ильин; абсолютная полнота бытия; нормальная эволюция, или преобразование; обожение; предмет как жизненное содержание учителя.

Plotnikov S. A. The Losskiys, Il'in et al, or Returning of the «philosophical steamship»

The appearance and publication of this article is devoted to the 90th anniversary of the well-known deportation of the «philosophical steamship» with the prominent representatives of Russian science and art from Soviet Russia to Western Europe, which happened in the autumn of 1922. Now, due to the idea of the author, the «philosophical steamship» has come back into a domestic culture, carrying a great number of efficient ideas in its holds, including the ideas in the area of pedagogical science.

Key words: Russian religious philosophy; «philosophical steamship»; N. O. Losskiy; I. A. Il'in; absolute plenitude of life; normal evolution, or transformation; obozhenie; the subject as vital content of a teacher.

Стаття надійшла до редакції 30.07.2012 р.

Прийнято до друку 31.08.2012 р.